

ТАИНСТВЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ

Анна КНЯЗЕВА —

писатель с яркой и необычной судьбой.

Сменила несколько профессий
от инженера до модельера,
но применить весь свой талант,
неординарный ум, тонкий юмор
и любовь к истории удалось только
в писательском деле.

У Анны огромная читательская
аудитория, которая растет с каждым
произведением.

Читайте романы
АННЫ КНЯЗЕВОЙ
в серии «Таинственный детектив»:

Ключ от проклятой комнаты
Пленники старой Москвы
Тени старого Арбата
Мечь Казановы
Девочка в желтом пальто

Дайнека.

Игра в детектива

Сейф за картиной Коровина
Венецианское завещание
Роман без последней страницы
Подвеска Кончиты
Кольцо с тремя амурами
Наследница порочного графа
Хозяин шелковой куклы
Жертвы Плещеева озера
Монета скифского царя

Опасная территория.

**Полина Свирская
и Сергей Дуло**

Хранительница царских тайн
Копье чужой судьбы
Перстень Александра Пушкина
Роковое золото Колчака
Черный бриллиант Соньки
Золотой Ручки
Орден белых лилий
Мираж золотых рудников

Детективное ателье

Надежды Раух

Призраки Замоскворечья
Химеры картинной галереи
Зов темной крови

Лионелла Баландовская.

Светский детектив

Прощальный поцелуй
Греты Гарбо
Девушка из тихого омута
Убийство в декорациях
Чехова

Анна Стерхова.

**Расследование архивных
дел**

Песня черного ангела
Убийца возвращается
дважды
В сентябре вода холодная
Улика № 13
Белый асфальт
Не жди меня долго

Ульяна Железняк.

Тени прошлого

Последний день лета
Лето не вечно

Анна КНЯЗЕВА

Девочка
В ЖЕЛТОМ ПАЛЬТО

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К54

Редактор серии *А. Антонова*
Серийное оформление *С. Курбатова*

Князева, Анна.

К54 Девочка в желтом пальто : [роман] / Анна
Князева. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-238175-1

В туманах безмолвного острова Сторн, куда Финна Древер возвращается, чтобы похоронить сестру, прошлое оказывается не мертвым, а хищником, затаившимся в ожидании. Официальная версия гибели Мэйв — несчастный случай, но у Финны растет уверенность: это убийство. Каждый шаг в ее расследовании — это спуск в ледяную бездну островных тайн, где жестокие ритуалы, молчание и страх сплелись в тугой узел. Ей предстоит столкнуться не только с враждебностью замкнутого сообщества, но и с призраками собственного детства, а ключ к разгадке может стоить ей рассудка и жизни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Князева А., 2026
© Оформление.

ISBN 978-5-04-238175-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Все персонажи
и события романа
вымышлены,
любые совпадения случайны.*

*Гравюра из Historia de gentibus septentrionalibus
Олауса Магнуса (Рим, 1555)
Колдун продает капитану веревку
с тремя «ветрами в узлах»*

ГЛАВА 1

ОКНО В ТУМАНЕ

Остров Сторн проступал из тумана медленно. Сначала — грубая линия обрыва, угольно-черная, словно кто-то сажой провел по горизонту. Потом — холмы, покрытые ржавым вереском. Выше — гладкие плиты скал, белесые, как отполированные кости. Ни деревьев, ни людей, ни даже воронья. Только тишина и низкое небо, натянутое над землей, как мокрое полотно.

Я стояла у поручня верхней палубы и держала в руке бумажный стаканчик с кофе. Он остыл, но держать его было проще, чем не держать. С ним было спокойнее.

Паром ходил на Сторн один раз в день и только по будням. Если ветер поднимался выше пяти баллов, рейс отменяли, и остров оставался без связи с материком на несколько суток.

Туман в этих местах никогда не рассеивался. Он лип к одежде, лез за воротник и в рукава, будто специально искал уязвимые места. Соленый, колючий, с привкусом железа и прогоревшего торфа. Все как в детстве, когда мы с Мэйв но-

сились по берегу, а потом возвращались домой с онемевшими, покрытыми цыпками руками.

Мне не раз приходила в голову мысль: раз уж я родилась на Сторне, то здесь когда-нибудь и умру. Но сейчас я возвращалась, чтобы навсегда проститься с сестрой, разобрать ее бумаги, оплатить счета и решить судьбу родительского дома, в котором жила Мэйв.

Быстро. Без задержек. Без лишних встреч.

Эти слова я повторяла с того момента, когда паром отчалил от материка. Ключи лежали в правом кармане. В телефоне был список дел.

Я сделала глоток. Кофе был холодным и горьким. В тот же миг я увидела ее.

Девочку лет десяти. Хрупкую одинокую фигурку у борта на нижней палубе. Ветер трепал подол ее желтого пальто, капюшон был натянут на голову так, что лица не разглядеть. И только пряди темных волос, мокрые от туманной мороси, выбивались наружу.

Такие же пальто носили мы с Мэйв. Все дети острова носили такие: ярко-желтые, непромокаемые, заметные в густом тумане.

В девочке не было ничего особенного — просто ребенок. Но у меня перехватило дыхание, и я ощутила холод, который не имел никакого отношения к непогоде. Лютый холод, до ломоты в груди, как будто кто-то провел ледяными пальцами по моему позвоночнику.

Девочка шевельнулась, и я заметила веревку, намотанную на запястье. Свободный конец

лежал у ее ног. Сердце захлопотало где-то под самым горлом, мне захотелось окликнуть ее. Но я не знала, что сказать и от чего предостеречь.

— Отойди от борта! — вырвалось у меня.

Туман сгущался с каждой секундой, стирая очертания палубы и одинокую фигурку девочки. За спиной раздался мощный гудок. Я обернулась. В дрожащем стекле капитанской рубки увидела свое отражение — женщину с прямыми плечами и встревоженным лицом. Серое пальто, теплый свитер, волосы собраны в пучок — все как обычно.

Вернувшись к поручню, я замерла, будто натолкнулась на стену. Девочки в желтом пальто на палубе не было.

Из рубки вышел капитан — седой великан с окладистой бородой.

— На пароме есть школьники? — спросила я.

Капитан посмотрел на меня внимательно. Глаза, серые, с холодным свинцовым блеском, прищурились.

— Детей на пароме нет. Пассажиров всего трое. Вы, парень с ноутбуком да женщина с птицей в клетке.

Он говорил спокойно, без интереса, будто зачитывал расписание рейсов.

«Все дело в тумане...» — сказала я себе, но внутренний голос казался неубедительным.

Паром полз еле-еле. Волны были тяжелыми, серыми, с маслянистым отливом. Палуба под ногами покачивалась и убаюкивала. Глаза сомкнулись от усталости, от качки, от свежего воздуха...

И тут провал.

Сначала — полная тьма.

Веревка.

*Она не просто врезалась в запястье, а впи-
лась огненным жгутом.*

Потом — едва ощутимый всполох.

*Чужие пальцы снимают с глаз шерстяную
повязку. Шерсть царапает мне кожу. Воздух
пахнет дождем и прелой землей.*

Еще одна вспышка.

*На светлеющем небе проступает темный
силуэт. В сером мареве, как предсмертный вы-
дох, колышется ярко-желтый лоскут...*

Я дернулась, открыла глаза и схватилась за поручень. Пальцы казались ледяными, будто чужими.

Гавань Сторна рисовалась в тумане грубыми мазками. Несколько домов у воды стояли сиротливо, как вещи умерших людей, которые никто не хотел забрать.

На носу загрохотали якорные цепи. Паром прибывал в гавань. Она была такой же, какой я ее помнила. Тот же терминал, сараи для лодок, за которыми виднелись корявые деревья, искривленные ветром и штормами.

Городок цеплялся за гавань, как утопающий за спасательный канат. Здесь все держалось на море. Жизнь людей зависела от шторма и штиля, от того, вернется ли лодка до темноты и сколько сетей выдержат лов. Море кормило, наказывало

и держало островитян в своей власти, не оставляя другого выбора.

Мне не хотелось впускать в себя остров — его голоса, запахи и картины из прошлого. Но он, как туман, проникал в лазейки.

— Ну, вот я и приехала, Мэйв...

Я смотрела на гавань, и в голове звучали слова сестры.

«Ты не любишь наш остров», — повторяла она, когда приезжала в Эдинбург.

И я никогда с ней не спорила.

Паром ткнулся в причал, под палубой вновь застонали цепи. С металлическим скрежетом на пирс опустился трап. Хватаясь за липкие перила, я сошла по нему первой.

Рыжий от ржавчины и скользкий от тины пирс выглядел так, будто на него давно махнули рукой, но он продолжал работу. Над причалом маячил тот же портовый кран, похожий на горбатую птицу с перебитым крылом. На ветру качались рыболовные сети, от которых веяло солью, рыбой и чем-то давно забытым.

На горизонте сквозь туман виднелась башня маяка. В ясные дни с нее был виден материк — неровная линия гор, похожих на карандашный набросок. На острове знали: если виден материк, значит, скоро испортится погода. Эта примета никогда не подводила.

У трапа я заметила старика в рабочем комбинезоне и твидовой куртке. Помятая шляпа бы-

ла натянута до бровей. Он стоял, нахохлившись, спрятав руки в карманы, и смотрел на меня.

— Финна Древер? Вернулась.

Голос показался мне знакомым, но я не помнила этого человека.

— Простите...

— Койнях. Койнях Сиврайт.

— Ну да, как же. — Я осторожно кивнула, хотя не узнала его лица, темного от летнего солнца и обветренного от зимних ветров. Так выглядели те, кто всю жизнь проводил в северном море.

— Прилив, он всегда возвращается. От прилива не убежишь. — Старик подобрал канат и намотал еще одну восьмерку между тумбами кнехта.

Его слова озадачили меня, но я не стала переспрашивать. Поднялась на центральную улицу и направилась к родительскому дому.

Шаг за шагом, метр за метром я вступала в пространство своего детства — оно окружало меня знакомыми образами, запахами, звуками. Но я не ощущала ничего, кроме отчуждения. Ветер принес с собой густой, домашний запах торфяного дыма, который ни с чем не спутать.

Здание местного Совета выглядело серым и безликим, как все административные здания маленьких поселений. Двухэтажный каменный дом с флагом, который никто не удосужился снять и просушить, он свисал с флагштока мокрой тяжелой тряпкой.

Магазин миссис Шинн стоял на углу. В двух маленьких витринах, как и прежде, ничего не

выставлялось. Рядом — каменный сарай с шиферной крышей.

Школа стояла ниже, в лощине, под сенью высокой церкви. Над дверью, под окнами второго этажа проступала старая надпись:

«Стойкость в малом рождает силу в большом».

Эта надпись была здесь всегда, сколько я себя помнила, — как татуировка на коже, которую не отмыть.

По нашей улице в гору я поднималась медленно. Так же медленно вдалеке вырастал родительский дом. Двухэтажный, деревянный, с темными окнами и крышей из черепицы. Он стоял ближе к склону, как будто сторонился соседей и не ждал гостей. Чем ближе я подходила, тем сильнее сжималось сердце. Слишком многое было связано с этим местом. Когда-то здесь жили все, кого я любила.

Однако, приблизившись, я не испытала того волнения, которого так желала и одновременно боялась. От этого стало легче.

Моя сестра никогда не была хорошей хозяйкой: родительский дом оказался запущен и сир. Краска сползла с его стен, как старая кожа. Крыльцо посерело от ветра и дождей. Но я все еще помнила скрип его ступеней, который будил нас с Мэйв, когда родители вечером возвращались из кино.

Казалось, с тех пор прошла целая вечность. Все умерли, в живых — только я.

Ключи от дома лежали в кармане пальто, но я не спешила их доставать. Стояла у дома, чув-

ствуя, как холод лезет за воротник, а ветер приносит с берега запах гнили и водорослей.

Наконец я поднялась по ступеням, вставила ключ в замок и провернула. Дверь поддалась, и я переступила порог. Внутри было холодно и темно, пахло застоявшимся воздухом, сыростью и пылью, которую не тревожили слишком долго.

— Ты никогда не была хорошей хозяйкой, — сказала я, обращаясь к Мэйв, как будто она могла слышать. — Мне будет так тебя не хватать...

И тут мне показалось, что дом вглядывается и не узнает меня. У самой было такое же чувство: знакомые до мелочей комнаты теперь казались чужими.

Задержав дыхание, я прислушалась к вязкой, настороженной пустоте. В ней не было прошлого: ни смеха, ни голосов, ни шагов. Тишина давила на барабанные перепонки.

В голове оформилась простая, горькая мысль: «Я разлюбила свой дом, и он разлюбил меня».

ГЛАВА 2

КРАСНАЯ ПТИЦА

*На Сторне ничего не пропадает.
Здесь все ждет своего часа*

Торф хранился на улице под навесом — темные брикеты с ржавым блеском от влаги, уложенные крест-накрест рядами. В продухах этой кладки гуляли бесприютные сквозняки.

Я принесла корзину с брикетами в дом и поставила на каменный пол. В камине еще лежал прогоревший пепел — последний огонь сестры. Поворошив кочергой, я положила в камин щепу и смятые газеты. Сверху пристроила тонкие торфяные пласты, те, что быстрее схватятся.

Вспыхнула спичка, огонь прошелся по газете, лизнул щепу и погас, оставив едкий дымок. Со второй попытки пламя занялось, и я подкинула в камин торфяных брикетов.

Дым поднялся — сладкий, хлебный, с легкой горчинкой. Тепло постепенно разошлось по углам, вытолкнув холод, поднялось по лестнице, просочилось в дверные щели. Торф в камине горел ровным пламенем. Щелкнул термостат, в трубах зашумело, и по ним пошла горячая вода. Огонь в камине разбудил старый дом.

Я сняла пальто и повесила на крючок у двери. Под вешалкой на коврик из веревочной пряжи стояли резиновые сапоги — черные, со следами соли на пятках.

Вернувшись, я обошла потеплевшую гостиную. Настенные часы застыли на двадцати трех минутах третьего. Было пять. Я завела часы, и комнату наполнило знакомое с детства тиканье. Жизнь в доме понемногу прибывала.

Я ступила на лестницу, ведущую на второй этаж, к нашим спальням. На третьей ступени был все тот же прогиб, на четвертой — заметная выпуклость. Все было знакомо, могла бы идти с закрытыми глазами. Наверху — коридор в голубых